

УДК 821.512.122-3

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140>

Казанский союз поэтов и перевод татарской литературы на русский язык в начале 1920-х годов

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается деятельность Казанского союза поэтов – малоизученного литературного объединения, существовавшего в Казани в начале 1920-х годов. Особое внимание уделяется переводам татарской литературы на русский язык, осуществлявшимся в рамках Союза, а также фигуре П.А. Радимова (1887–1967) как организатора этой работы. На основе публикаций в журнале «Печать и революция», «Литературной газете», воспоминаний современников и анализа переводов показывается, что Союз сыграл важную роль в становлении литературного диалога между татарскими и русскими писателями в условиях раннесоветской культурной политики. Представленные материалы позволяют по-новому взглянуть на процессы межнационального литературного взаимодействия в первые послереволюционные годы.

Ключевые слова: Казанский союз поэтов, П.А. Радимов, перевод татарской литературы, литературные связи, Казань, раннесоветская культура, межнациональный диалог

Для цитирования: Сибгатуллина А.Т. Казанский союз поэтов и перевод татарской литературы на русский язык в начале 1920-х годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.128–140. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140>

Kazan Union of Poets and translation of Tatar literature into Russian in the early 1920s

A.T. Sibgatullina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

The article examines the activities of the Kazan Union of Poets – a little-studied literary association that existed in Kazan in the early 1920s. Special attention is given to the translations of Tatar literature into Russian carried out within the framework of the Union, as well as to the figure of P.A. Radimov (1887–1967), who acted as the main organizer of this work. Based on publications in the journals "Press and Revolution" and "Literary newspaper", memoirs of contemporaries and analysis of translations, it is

shown that the Union played an important role in the formation of a literary dialogue between Tatar and Russian writers in the context of early Soviet cultural policy. The presented materials allow us to take a fresh look at the processes of interethnic literary interaction in the first post-revolutionary years.

Keywords: Kazan Union of Poets, P.A. Radimov, translation of Tatar literature, literary contacts, Kazan, early Soviet culture, interethnic dialogue

For citation: Sibgatullina A.T. Kazan Union of Poets and translation of Tatar literature into Russian in the early 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.128–140. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140> (In Russian)

В первой половине 1920-х гг. в Казани происходил активный поиск новых форм литературной организации: от отдельных кружков шел переход к более крупным объединениям. Наиболее ярко этот процесс проявился в деятельности Пролеткульта, который стремился утвердить «чисто» пролетарскую культуру и все больше претендовал на монополию в сфере литературы. Агрессивная позиция Пролеткульта, его отказ от культурного наследия и стремление изолировать пролетарских писателей от остальной интеллигенции вызвали недовольство, что привело к выходу из него части литераторов и созданию ряда самостоятельных объединений. Это сопровождалось ожесточенными дискуссиями о роли классовости, народности, реализма и мировоззрения в искусстве. К сожалению, история литературных объединений 1920-х гг. в Казани до сих пор остается малоизученной. Одной из таких практически забытых организаций был Казанский союз поэтов, деятельность которого, судя по редким упоминаниям в печати, включала не только творческую работу, но и активную переводческую практику. Наше внимание на этот Союз было обращено благодаря статье В. Ключевой, опубликованной в 1923 г. в журнале «Печать и революция» [6]. В этом очерке Вера Ключева (1894–1964), впоследствии ставшая известной поэтессой и переводчицей, пишет: «Стремление ознакомиться с татарской литературой, путем перевода ее лучших произведений, возникло совсем недавно. Почин в этом отношении сделал Казанский союз поэтов, организовавшийся в 19 году. Председатель союза П.А. Радимов ревностно принялся за пропаганду этой идеи, в результате чего вышло из печати несколько образцов творчества наиболее крупных татарских писателей и поэтов и был разработан план дальнейшего издательства» [6, с.222].

О существовании Казанского союза поэтов, в частности, упоминается в письме видного поэта и журналиста Александра Безыменского (1898–1973), опубликованном Л.Бушканец в альманахе «Казань». Приведем это письмо почти целиком, поскольку оно отражает творческую атмосферу как в самом Союзе, так и в Казани в целом: «...Прибыл я в Казань в ноябре 1919 г., направленный туда Политическим управлением Красной Армии на работу лектора политработы Казанского военно-инженерного Тех-

никума. Как только я обосновался в техникуме, как только вошел в русло партийной работы (я был избран членом Казанского городского комитета партии) и установил связь с Казанским губкомом комсомола и его газетой (“Клич юного Коммунара”), – встретился я с представителями Казанского союза поэтов. Встреча произошла в газете “Знамя революции”, которую редактировал старый большевик и всеми нами уважаемый писатель Владимир Дмитриевич Бахметьев. Нельзя себе вообразить более разных людей и более разных литературных традиций, чем те, которые были представлены в Казанском союзе поэтов (председателем был П.Радимов, членами союза – М.Нечкина, В.Клюева, Л.Бать и ряд молодых литераторов). Но поскольку это были безусловно советские люди, я не подумал о создании отдельного объединения пролетарских писателей, и вошел в Казанский союз поэтов, чтобы, не распыляя сил, создать крепкое литературное объединение, внутри которого надо будет постараться привлечь к работе и воспитать писателей, идущих из пролетарских низов.

Работа протекала очень успешно. Заседания союза поэтов были интересными, живыми. Спорили мы жарко, искренне отстаивая свои мнения. Я почти не помню закрытых заседаний, посвященных каким-либо “оргвопросам”. В присутствии многих людей мы читали стихи, обсуждали произведения москвичей и петроградцев, делали доклады на самые разные темы. Очень часто бывали открытые вечера в различных аудиториях, главным образом в университетской и рабочей. Мы выезжали на заводы в окрестностях Казани. Само собой разумеется, что я сотрудничал в газетах “Знамя революции” и “Клич юного коммунара”. Несколько стихотворений моих было напечатано в центральном органе ЦК РКСМ, – в журнале “Юный коммунист”. Внутри Казанского союза поэтов я отстаивал идеи пролетарской литературы и много работал с молодыми рабочими поэтами. В конце 1920 г. в Казани был издан первый сборник моих стихов “Октябрьские зори”. Я часто выступал со стихами на партийных собраниях и митингах. Устраивались вечера моего творчества...» [2, с.54].

Таким образом, Казанский союз поэтов был образован в 1919 г. в самый сложный период гражданской войны и культурного перелома. Несмотря на нестабильную политическую обстановку, в Казани наметилось формирование круга русских и татарских литераторов, стремившихся к сотрудничеству и культурному обмену. Создание Союза поэтов было отчасти вдохновлено идеей литературной интеграции, которую поддерживали представители новой советской власти: она предполагала взаимное сближение национальных литератур через перевод, издание и популяризацию художественных текстов на русском языке. Именно в этот период выпускник филологического факультета Казанского университета, уже состоявшийся поэт и художник Павел Александрович Радимов (1887–1967) активно включился в культурную и организационную деятельность. Его фигура стала связующим звеном между русскоязычными поэтами, проживавшими в Казани, и татарской интеллигенцией, активно участво-

вавшей в формировании новой культурной политики в начале 1920-х гг. Особенно значимым было его сотрудничество с Галимджаном Шарафом (1896–1950), выдающимся филологом, переводчиком и общественным деятелем, сыгравшим ключевую роль в развитии татарской литературы и науки в раннесоветский период. Павел Радимов, прожив в Казани более двух десятилетий, проявил себя не только как талантливый художник, создававший живописные виды Волги и проникновенные портреты татарского народа, но и как поэт и культуролог, глубоко изучавший татарскую литературу. Его творческая деятельность была тесно связана с культурной жизнью региона, что позволило ему проникнуться духом местной традиции и народного творчества. Благодаря этому, П.Радимов смог не просто визуально запечатлеть образы Поволжья, но и внести значимый вклад в осмысление и популяризацию татарской поэзии и литературного наследия, став мостом между русской и татарской культурами в начале XX в. О своем первом знакомстве с творчеством татарского поэта П.Радимов вспоминал годы спустя следующим образом: «В год смерти Тукая (в 1913 году) я жил в Казани и преподавал литературу во 2-м реальном училище. В то время я еще не был знаком с Тукаем лично. Татарские юноши, ученики училища, рассказывали мне о своем любимом поэте и познакомили с некоторыми его произведениями. 2 апреля 1913 г. я очень ясно почувствовал, что смерть Габдуллы Тукая стала для всего татарского народа глубокой и тяжелой утратой. В 1920 г. я впервые перевел на русский язык несколько стихотворений Тукая. Думаю, что эти мои переводы стали скромным вкладом в великое дело Тукая и в великое дело братского культурного сближения народов Советского Союза». Он также вспоминал, как С.Есенин, прочитав в его переводе стихотворение Тукая «Униженная», был потрясен и воскликнул: «Какой он большой поэт!» [7].

В состав Казанского союза поэтов, надо полагать, входили главным образом не коренные поэты, т.е. уроженцы Казанской губернии, а приезжие студенты и выпускники казанских высших учебных заведений. Среди них, прежде всего, выделяется сама Вера Ключева, автор вышеуказанной статьи «О татарской литературе» в журнале «Печать и революция». Выпускница филологического факультета Казанского университета, В.Ключева проявила себя как яркая фигура в русскоязычной поэтической среде Казани. Ее стихотворения публиковались еще в период Гражданской войны, в частности, в однодневной газете «Народная армия» (август 1918), а также в поэтическом сборнике «Провинциальная муза» (Казань, 1918). Кроме того, она писала рецензии и литературные заметки для журнала «Казанский библиофил». В начале 1920-х гг. В. Ключева издала сборник оригинальных стихов под названием «Акварели» и книгу переводов произведений бельгийского поэта-символиста Эмиля Верхарна. Ее имя было хорошо известно в поэтических кругах Казани; молодая, талантливая, интеллектуально одаренная поэтесса вызывала симпатию и восхищение у современников своей социальной активностью: на рабфаке университета она пре-

подавала русский язык и литературу, там же вела литературный кружок, переводила с татарского и европейских языков, активно выступала перед рабочей молодежью. В апреле 1922 г. ее приняли во Всероссийский союз писателей, и она переехала в Москву.

В Союзе поэтов другой видной фигурой была Милица Нечкина (1899–1985), которая в 1921 г. окончила историко-филологический факультет Казанского университета и была оставлена для дальнейшей научной подготовки (впоследствии она стала доктором исторических наук, академиком Академии наук СССР). До отъезда из Казани в 1924 г. она активно выступала на поэтических вечерах с докладами о поэзии, читала собственные стихи, также преподавала на рабфаке.

Хотя основной акцент Союза был сосредоточен на развитии современной поэзии, включая такие новаторские направления, как имажинизм, футуризм и другие авангардные течения, значительное внимание также уделялось созданию художественных переводов татарской литературы на русский язык. В задачи переводчиков входило не только адекватное воспроизведение текстов, но и передача их культурного контекста, интонации, национального колорита. Среди переводимых авторов были Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Фатхи Бурнаш, Сагит Рамеев, Захида Бурнашева и другие. Члены Союза стремились представить русскоязычному читателю как дореволюционные произведения татарской литературы, так и новые тексты, отражающие общественные и духовные поиски своего времени. Можно предположить, что отбор авторов и произведений татарской литературы для перевода, а также подготовка подстрочных переводов художественных текстов велись непосредственно Г.Шарафом или осуществлялись под его научным и редакторским руководством. Учитывая его филологическую подготовку, глубокое знание татарского литературного наследия, именно Г.Шараф, вероятно, определял тематические и идеологические рамки публикуемых текстов, стремясь представить как художественное, так и историко-культурное значение татарской словесности. В статье В.Клюевой прослеживается отчетливый интерес к татарской литературе как к живой и самобытной традиции, заслуживающей серьезного внимания. Несмотря на то, что поэтесса не владела татарским языком и опиралась на переводы, ее аналитический подход отражает общее направление работы Казанского союза поэтов: не просто переводить, но и интерпретировать, вписывая татарскую литературу в широкий контекст культуры Востока и Советского Союза. Автор проводит параллели между развитием татарской и русской литератур, сопоставляя, в частности, татарскую литературу конца XIX в. с русской литературой петровской эпохи. В этом контексте она отмечает: «Имя Тукаева у татар равносильно имени Пушкина у нас», а «имя С.Рамеева можем сопоставить с именем Лермонтова» [6, с.222–223], подчеркивая тем самым значение Тукая и Сагита Рамеева как фигур национального масштаба.

Союз поэтов активно сотрудничал с «Литературной газетой», выходившей в Казани два раза в месяц в 1921–1922 гг. Это сотрудничество носило как организационный, так и творческий характер: в состав редколлегии издания входили ведущие члены Союза: П.Радимов, А.Ланэ, С.Полоцкий, М.Нечкина, В.Клюева и др. На страницах газеты регулярно публиковались их поэтические произведения, критико-литературные статьи, рецензии и переводы. Через газету осуществлялись также продвижение и реклама их изданий, а сама она служила важной площадкой для обсуждения проблем литературного перевода, взаимодействия русской и татарской культур, а также вопросов идеологии, стиля и художественного метода. Как указывает Ф.Галимуллин, здесь регулярно появлялись произведения татарских писателей и поэтов, освещались события республиканской литературной жизни и культурной хроники. Специально для издания на русский язык переводились тексты современных татарских авторов [4, с.197]. Газета, с которой активно сотрудничал Союз поэтов, пользовалась популярностью не только в Казани, но и за ее пределами: ее читали в Москве и Петрограде. Благодаря остроте публикуемых материалов, открытой литературной полемике и относительной свободе выражения, она стала интересной площадкой для молодых авторов и переводчиков. Возможно, именно по этой причине, в условиях усиливающейся цензуры, издание оказалось под пристальным вниманием властей. В начале 1922 г. газета была закрыта, предположительно по политическим мотивам.

П.А. Радимов, в одно время занимавший пост заведующего местным Наркомпросом, сумел наладить активное сотрудничество Союза поэтов с казанскими полиграфическими предприятиями, в первую очередь, со 2-й Государственной типографией. Благодаря его усилиям именно здесь были изданы его собственные поэтические сборники «Деревня» (1922) и «Полиада» (1922), а также переводы с татарского языка, сыгравшие важную роль в продвижении татарской литературы среди русскоязычной аудитории. В числе таких переводов П. Радимова: избранные стихотворения Габдуллы Тукая под заглавием «Узюлган умид» (Разбитая надежда) (1920), народная сказка «Коза и баран» (1921), а также вотская сказка «Старик и липа, или Отчего по свету пошли медведи» (1922). Поэма Захиды Иффат «Зора Юлдуз» («Зөһрә йолдыз»), пьеса Фатхи Бурнаша «Тахир и Зухра» в переводе В.Клюевой также были опубликованы в 1922 г. в этой типографии. Заметим, что члены Союза поэтов при работе над переводами стремились сохранить оригинальные названия татарских произведений, тем самым подчеркивая их национальную специфику и культурную самобытность. В числе таких примеров: «Узюлган умид» Г.Тукая, «Ишчи» М.Гафури, «Зора Юлдуз» З.Иффат и др.

Название Казанского союза поэтов зафиксировано и в качестве издателя на титульных листах ряда поэтических сборников, книг и брошюр, вышедших в Москве в начале 1920-х гг.: сборник стихов разных авторов «Красочные пятна» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1920), произведения

Ария Ланэ (1894–?) «Революция революций. Стихо-секунды» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1920), его же «Века в минутах» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1921) и др.

Официальных документов о создании и составе Казанского союза поэтов не сохранилось или они до сих пор не введены в научный оборот. Однако упоминания в публикациях позволяют предположить, что Союз был организован как площадка для взаимодействия татарских и русских поэтов, стремившихся донести татарскую словесность до русскоязычного читателя. Особенно важно, что переводы, созданные в рамках этой инициативы, распространялись через центральные журналы и издательства, получая оценки таких авторитетных востоковедов, как В.Гордлевский [5] и А. Самойлович [9]. В.Гордлевский на страницах журнала «Восток», выходившего под эгидой издательства «Всемирная литература», внимательно следил за книжными новинками на тюркских языках в стране и за рубежом. Тем не менее он с сожалением отметил, что упустил из виду переводы татарских авторов, выполненные П.Радимовым: «Как-то незаметно прошли эти небольшие, аккуратненькие книжки, открывавшие серию “Народной библиотеки”». Замечая, что некоторые из произведений Тукая, такие как «Разбитая надежда», «Шурале», «Униженная» в прозе, были уже переведены Н.Ашмариним и Г.Акчуриным и вышли в «Восточном сборнике в честь А.Н. Веселовского» (Москва, 1914), В.Гордлевский выражает свою удовлетворенность поэтическими переводами П. Радимова. Он подчеркивает, что тон национального татарского поэта – «то грустно-мечтательный, то игриво-забавный, – и эквивалентный ритм – то тягуче-медленный, то быстрый, как стук фабричной машины», – переданы П.Радимовым «прекрасно (местами он, как будто, подражает стиху Кольцова)». Сборнику стихотворений предпосланы вводные статьи (Вл. Бахметьева и Г.Шарафа), раскрывающие современные, социальные мотивы поэзии Г.Тукая. При этом критик не обходит вниманием и недостатки: «Примечания П.Радимова могли бы быть точнее; очевидно, переводчик татарским языком не владеет, а пользуется объяснениями татар... В. Ключева перевела менее удачно (нам, по крайней мере, меньше понравилось) поэму-легенду о девушке, обращенной в звезду» [5]. Он также критически отзывался об иллюстрациях, полагая, что их можно было бы смело отбросить, а освободившееся место использовать для увеличения объема тетрадей.

Завершая рецензию, В.Гордлевский подчеркивает, что желание познакомить русскую публику с творчеством соседних восточных народов, входящих в жизнь через русскую культуру, заслуживает всяческой похвалы. Он выражает надежду, что задуманный сборник «Песни народов Поволжья» и переводы из поэтов С.Рамеева, Гафури, Бурнашева и других также, наконец, увидят свет.

Этот отзыв представляет собой ценное свидетельство о первых попытках перевода татарской поэзии на русский язык в рамках государственной культурной политики 1920-х гг. Указанные замечания свидетельствуют о

высоком уровне требований и ожиданий со стороны рецензента, что, в свою очередь, подчеркивает серьезность отношения к публикации произведений национальных поэтов.

А.Самойлович в своей рецензии на книгу Дж. Валиди «Очерк образованности и литературы волжских татар» (Москва – Петроград, 1923) обращает внимание не только на содержание самого издания, но и на более широкий издательский замысел. Он пишет: «Судя по титульному листу, Госиздатом предпринята серия книжек “Татарская литература в переводах П.Радимова и Галимджана Шарафа”. Очерк Джамаль-эддина Валидова, по-видимому, служит как бы введением к этой серии» [9, с.183]. Таким образом, рецензент видит в книге Дж. Валиди не просто самостоятельное сочинение, а своего рода пролог к более масштабному просветительскому проекту, направленному на приобщение русскоязычного читателя к богатствам татарской словесности. При этом ученый не обходит вниманием ряд недочетов, допущенных автором и издательством, включая научные неточности, стилистические шероховатости и опечатки. Однако его критика носит доброжелательный и конструктивный характер. В заключении он выражает уверенность в значимости серии и надежду на ее развитие: «Признавая серию “Татарская литература” весьма полезной и желательной, надеемся, что последующие ее выпуски не заставят себя долго ждать и что они менее, чем настоящий выпуск, будут нуждаться в исправлениях» [9, с.184]. Эти слова отражают как поддержку самого начинания, так и ожидание повышения качества будущих публикаций.

Как сообщает «Литературная газета» от 20 февраля 1922 г., «Казанский союз поэтов предложил Государственному издательству издать ряд произведений татарских авторов в переводе местных литературных сил. Серия изданий рассчитана на 60 печатных листов... Одновременно с этим часть издания татарской литературы в объеме 100 печатных листов берет на себя Московское государственное издательство» [3, с.4]. Особый интерес представляет сам масштаб издательских планов Союза: заявленные в сообщении «Литературной газеты» цифры – 60 и 100 печатных листов – свидетельствуют о значительном объеме задуманной работы в сфере перевода и популяризации татарской литературы, а также позволяют предположить, что Союз поэтов уже располагал подготовленными переводами или, по крайней мере, текстами, находящимися в активной стадии литературной обработки. К тому же В.Клюева в своей статье указывала, что Союз поэтов планирует публикацию и «критико-литературных статей известного культурного деятеля у татар Г.Шарафа» [6, с.222]. Однако последовавшее ужесточение идеологического контроля, усиление цензуры и централизация культурной политики могли помешать полноценной реализации этих проектов. Мы вправе предположить, что некоторые переводы были отложены, переработаны или вовсе не увидели свет. На такую мысль, в частности, наводит история со «Сборником татарской литературы», опубликованным в Москве под редакцией П.А. Радимова [10]: веро-

ятно, этот сборник был задуман еще в 1920-х гг. до отъезда П.Радимова из Казани, но в изменившихся условиях был реализован лишь в 1931 г.

Данный сборник переводов татарской литературы, выпущенный Государственным издательством художественной литературы, представляет собой одну из первых советских антологий, посвященных представлению дореволюционного татарского литературного наследия русскоязычному читателю. Несмотря на значимость издания, оно практически неизвестно в современной татарской филологии и редко упоминается в научных исследованиях. Хотя имя Г.Шарафа отсутствует в официальных библиографических данных издания, его участие в подготовке сборника не вызывает сомнений. В предисловии «От составителя» Павел Радимов подчеркивает: «Самое близкое участие в работе над этим сборником принимал Галимджан Шараф» [10, с.3]. Эти слова находят подтверждение и в автобиографических свидетельствах самого Г.Шарафа: в «Автобиографии» 1926 г. он сообщает, что в Москве была издана «История татарской образованности и литературы» Дж. Валидова под его (совместной с П.Радимовым) редакцией и что к тому моменту в печать было сдано до 100 печатных листов переводов татарской литературы [8, с.279].

Факт подготовки столь масштабного издания в столице свидетельствует не только о высокой оценке дореволюционного литературного наследия, но и о стремлении его составителей интегрировать татарскую культуру в общее советское культурное пространство. Содержание антологии подобрано с акцентом на выдающихся представителей татарской поэзии и прозы: в сборник вошли десять стихотворений и фрагмент из поэмы «Шурале» Габдуллы Тукая, четырнадцать стихотворений Сагита Рамеева, поэма Мажита Гафури «Рабочий», произведения Дардеменда, Захиды Бурнашевой, Шейхзаде Бабича, Фатхи Бурнаша, рассказы Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана, Газиза Губайдуллина, Шарифа Камала, Шагита Ахмадиева и Гали Рахима.

Вступительная статья, предворяющая сборник, написана Петром Семёновичем Коганом (1872–1932), известным литературоведом, профессором МГУ и активным участником формирования советской культурной политики. Антология, по его словам, охватывает период между революцией 1905 г. и Октябрьской революцией, т.е. время, когда формировался современный литературный татарский язык. На тринадцати страницах автор вступительной статьи с искренним энтузиазмом и уважением описывает татарскую литературу как яркое и перспективное явление национальной культуры. Он не только подчеркивает ее художественную ценность, но и старается включить ее в более широкий мировой контекст, проводя параллели с классиками европейской литературы. Так, легенда Ф.Бурнаша «Коркуд» напоминает ему «известное стихотворение Гейне», поэзия Сагита Рамеева вызывает в памяти «скорбные песни Леопарди или проклятья Байрона», в стихотворении Ш.Бабича, по его мнению, «есть что-то от Гейне», а лирика Дардеменда по настроению и силе образов напоминает

ему «Буревестника» Горького. Эти сравнения не случайны: автор стремится показать, что татарская литература конца XIX – начала XX в. не только оригинальна, но и способна вступать в равноправный диалог с выдающимися произведениями мировой словесности. П.Коган подчеркивает, что после революции татарская литература «быстро идет по пути дальнейшего обогащения и усовершенствования», и утверждает, что ее представители – «писатели пытливого ума и чуткой совести» – поднимают острые социальные, моральные и психологические вопросы, актуальные не только в татарской, но и в русской литературе.

После чтения статьи П.Когана остается впечатление, что она была написана сразу после ознакомления с переводами, т.е. в середине 1920-х гг., в период еще относительной идеологической свободы и культурного оптимизма. К началу 1930-х гг. в СССР усилилась цензура, утвердилась доктрина социалистического реализма, а к дореволюционному наследию и писателям, не соответствующим идеологическим требованиям времени, стали относиться с подозрением. В этой обстановке даже такой уважаемый литературовед, как П.Коган, вряд ли позволил бы себе столь возвышенные и однозначно положительные оценки творчества национальных писателей, живших до революции.

В кратком предисловии «От составителя» П.А. Радимов не только подводит итоги проделанной по переводам работы, но и делится планами на будущее. Он сообщает о подготовке нового сборника, в котором предполагалось представить творчество татарских писателей, сформировавшихся уже в советский период: «Следующий сборник по татарской литературе должен ознакомить русского читателя с творчеством, насыщенным содержанием революционной эпохи». В этом контексте П.Радимов перечисляет «ряд новых имен», ставших знаковыми для литературы 1920-х гг.: «Такташ, Наджми, Усманов, Максуд, Гумеров, Сайфи, Гали, Юлтый, Джелаль, Мансур и др.» [10, с.3]. Это свидетельствует о том, что составитель видел в татарской советской литературе не только преемственность с дореволюционным наследием, но и новое идейное и художественное содержание, достойное внимания широкого читателя. Упоминание этих имен также отражает стремление П.Радимова охватить более широкий спектр литературных голосов и продемонстрировать динамичное развитие национальной словесности в условиях новой эпохи.

Однако этим амбициозным замыслам не суждено было осуществиться: первый сборник, как уже было указано, вышел лишь в 1931 г. в значительно сокращенном объеме, а судьба второго – неизвестна.

Уже в 1932 г. в журнале «Революционный Восток» появилась разоблачительная статья Илиаса Алкина (1895–1937), в которой указанный выше сборник подвергся резкой критике [1] (см. о ней: [11]). П.Радимов обвинялся в идеологической «контрабанде» дореволюционных взглядов под видом прогрессивной литературы, а сам подбор текстов трактовался как несоветский по духу. Попытки включить татарскую литературу в со-

ветский культурный канон, предпринятые Казанским союзом поэтов и его руководителем П.А. Радимовым при активном участии Г.Шарафа и П.С. Когана, столкнулись с обвинениями в идеализации прошлого и отходе от принципов марксистской методологии. В условиях усиления идеологического контроля и репрессивной культурной политики 1930-х гг. такие инициативы были признаны несовместимыми с задачами советской литературы и фактически свернуты. Тон вступительной статьи П.С. Когана и «разоблачений» И.Алкина кажется кардинально противоположным. Московский ученый выбирает спокойный, академический ритм изложения, опираясь на факты и выверенные суждения, приглашая читателя к совместному размышлению. Его интерес к дореволюционной литературе носит, в первую очередь, эстетический характер: он ищет в ней художественную ценность, красоту формы, внутреннюю гармонию текстов. И.Алкин же подходит к тому же материалу как к полю идеологической борьбы: для него даже дореволюционная литература становится ареной, где необходимо выявить и заклеить «классового» врага. Отсюда его резкая, обличительная манера, насыщенная эмоциональным напором и политической риторикой. Поэтому присутствует не только контраст в стилях изложения мысли, но и глубокое расхождение в целях: тихий анализ эстетики противостоит агрессивной риторике поиска врага в культурном наследии.

И.Алкин утверждает, что П.С. Коган стал выразителем взглядов крупной татарской буржуазии, попав под влияние П.Радимова, Г.Шарафа и книги Дж. Валидова. По его мнению, влияние Дж. Валидова проявляется не только в оценках, но и в подборе авторов для «Сборника»: «Неудобно белоэмигранта Гаяза Исхакова преподнести, если не революционным, то во всяком случае лояльно причисленным писателем, поэтому его исключили из “Сборника”», а пролетарские писатели (например, Гафур Кулахметов) отсутствуют, поскольку их тексты противоречили «национал-шовинистической идеологии, продвигаемой Г.Шарафом и соавторами» [1, с.395].

Таким образом, история Казанского союза поэтов представляет собой значимый, хотя и недостаточно исследованный, эпизод в истории многоязычной литературной культуры раннесоветского периода. Деятельность Союза стала одним из первых институциональных опытов систематического перевода татарской литературы на русский язык, что способствовало не только сохранению и продвижению национального литературного наследия, но и формированию культурного диалога между народами Советского Союза. Своей работой Казанский союз поэтов предвосхитил последующие межкультурные и межкузыковые практики, сыграв важную роль в развитии переводческой деятельности и укреплении взаимопонимания между этническими группами. Кроме того, Союз способствовал консолидации творческой интеллигенции, создавая платформу для обмена художественными идеями и совместного поиска в области литературы и культуры в условиях социально-политических трансформаций. Изучение данного явления расширяет понимание культурной истории как Татарстана,

так и Российской Федерации в целом, а также позволяет выявить механизмы сохранения и развития многоязычного литературного наследия в контексте советской модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алкин И. Против национал-шовинистической контрабанды в татарской литературе // *Революционный Восток*. 1932. №1–2. С.386–396.
2. Бушканец Л.Е. Семьдесят раз был счастлив. К 100-летию со дня рождения Е.Г. Бушканца // *Казань*. 2025. №4. С.52–55.
3. В Казани // *Литературная газета*. 1922. №6. 20 февраля.
4. Галимуллин Ф.Г. Проблема отражения русско-татарских литературных взаимодействий в периодике 1920–1930-х годов // *Филология и Культура*. 2012. №2 (28). С.196–199.
5. Гордлевский В.А. [Рец.:] Абдулла Тукаев. Узюльган Умид; Коза и баран... Шурале; Захида Ифбат. Зора Юлдуз // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Книга пятая. М.-Л.: Всемирная литература, 1925. С.268.
6. Ключева В.Н. О татарской литературе // *Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии*. Книга первая. М. Госиздат, 1923. С.221–223.
7. Радимов П.А. Нинди зур шагыйрь! // *Совет әдәбияты*. 1961. №4. 63 б.
8. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Галимжан Шәрәф. Әсәрләр, хатлар, документлар = Духовное наследие: поиски и открытия. Галимджан Шараф. Сочинения, письма, документы / төз., текст., иск. һәм анл. эзерл.: Э.М. Галимжанова, Г.Н. Зәйниева, Ф.Г. Фәйзуллина, Г.А. Хөснетдинова; кереш сүз авт. Ф.Г. Фәйзуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 300 б.
9. Самойлович А. [Рец.:] Д.Валидов. Татарская литература. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Выпуск 1-й. Гос. Издательство Москва-Петроград, 1923. 160 с. // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Книга четвертая. М.-Л.: Всемирная литература, 1924. С.183–184.
10. Сборник татарской литературы (дореволюционной) / под ред. П.Радимова, с предисловием П.Когана. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1931. 160 с.
11. Сибгатуллина А.Т. Об одной публикации И.Алкина в журнале «Революционный Восток» // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2025. Т.15, №2. С.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129>

REFERENCES

1. Alkin I. Against national chauvinistic smuggling in Tatar literature. *Revolutionary East*. 1932, no.1–2, pp.386–396. (In Russian)
2. Bushkanets L.E. Seventy times was happy. On the 100th anniversary of the birth of E.G. Bushkants. *Kazan*. 2025, no.4, pp.52–55. (In Russian)
3. In Kazan. *Literary newspaper*, 1922, February 20. (In Russian)
4. Galimullin F.G. The problem of reflecting Russian-Tatar literary interactions in the periodicals of the 1920–1930s. *Philology and Culture*. 2012, no.2 (28), pp.196–199. (In Russian)

5. Gordlevsky V.A. Abdulla Tukaev. Uzyulgan Umid. A goat and a ram... Shurale. Zakhida Iffat. Zora Yulduz. *East. Journal of Literature, Science and Art. Book five*. Moscow-Petrograd: World Literature Publ., 1925. P.268. (In Russian)
6. Klyueva V.N. On Tatar Literature. *Press and revolution. Journal of Literature, Art, Criticism and Bibliography. Book one*. Moscow: Gosizdat Publ., 1923. Pp.221–223. (In Russian)
7. Radimov P.A. What a great poet! *Soviet Literature*. 1961, no.4, p.63. (In Tatar)
8. *Spiritual heritage: searches and discoveries. Galimjan Sharaf. Works, letters, documents*. Compiled by E.M. Galimzhanova, G.N. Zaynieva, F.G. Fayzullina, G.A. Khusnetdinova, F.G. Fayzullina. Kazan: TAHSI Publ., 2022. 300 p. (In Tatar)
9. Samoylovich A. D. Validov. Tatar literature. Essay on the history of education and literature of the Volga Tatars. Issue 1. *East. Journal of Literature, Science and Art. Book Four*. Moscow-Petrograd: World Literature Publ., 1924. Pp.183–184. (In Russian)
10. *Collection of Tatar literature (pre-revolutionary)*. Ed. by P. Radimov. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction Publ., 1931. 160 p. (In Russian)
11. Sibgatullina A.T. About one publication by I.Alkin in the journal "Revolutionary East". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129> (In Russian)

Информация об авторе:

Сибгатуллина Альфина Тагировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

About the author:

Sibgatullina Alfina Tagirovna – Dr. Sci. (philology), Leading Researcher of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 02.08.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025